

АНТИЧНЫЕ ИСТОКИ СОВРЕМЕННОЙ
ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Прикладная лингвистика, официально возникшая в XX столетии, — это старейшее и — одновременно — новейшее направление в языкознании. Это наука целостная, всеобъемлющая и при этом чрезвычайно разветвленная, предмет ее всем понятен и — в то же самое время — не имеет четкой однозначной дефиниции.

Действительно, в соответствии с т. н. Малым Академическим Словарем русского языка, *прикладной* — это «имеющий чисто практическое значение, находящийся применение на практике» [30, с. 414]. Вопрос решается, на первый взгляд, просто: все, что не связано с умозрительным изучением, а приносит материальную пользу, — относится к прикладной области. Но, как и любое словарное толкование, дефиниция оставляет много неясного.

Во-первых, сомнительно, что наука может иметь «чисто» практическое значение. Как тонко заметил Майкл Полани, бывает довольно трудно определить, какие «факты» — действительно могут считаться фактами, а какая «наука» — наукой [27]. Для *применения на практике* необходимо, прежде всего, установить, *что* и *где* можно примснять. Иными словами, любая прикладная наука, чтобы быть наукой, должна иметь свою рациональную составляющую — *теорию*, свою эпистемологию.

Во-вторых, в сознании лингвистов оказывается размытым само понятие *практика*. Один из моих знакомых преподавателей университета вполне серьезно утверждал, что *любое* практическое занятие по языку можно отнести к области прикладной лингвистики. Тот же МАС среди пяти толкований слова «практика» в русском языке выделяет такие, как «вся совокупность деятельности людей, направленная на освоение и преобразование природы и общества», «жизнь, действительность как область применения и проверки каких-либо выводов, положений» [30, с. 358]. Следовательно, и прикладная лингвистика должна быть направлена «на освоение и преобразование природы и общества». Остается только уточнить, а что же конкретно необходимо освоить и изменить и адекватны ли в данном случае лингвистические

модели и методы.

И тут обнаруживается, что специалисты, которые считают себя лингвистами-прикладниками, не готовы ответить на эти вопросы. Впрочем, это вполне закономерно. Вспомним, что языкознание как самостоятельная наука осознала себя только в XIX веке, в связи с возникновением сравнительно-исторической парадигмы получения знания. А это означало, что все предшествующее изучение языка автоматически стали расценивать как «преднауку» (ср., например: [36]), в лучшем случае, как часть «ограниченной» философии. Прикладная лингвистика при этом воспринималась, преимущественно, как «околонаука» — методика перевода и обучения языкам.

В начале XX века одним из наиболее авторитетных направлений оказалось дело составления словарей. По свидетельству «Лингвистического энциклопедического словаря» в двадцатые годы XX века «в СССР лексикография превратилась в ведущую отрасль прикладного языкознания» [21, с. 259]. Тогда именно это нужно было обществу, чтобы закрепить нормы ранее бесписьменных языков.

Вместе с тем в мире оформилось и другое аппликативное направление. В начале прошлого столетия в моду вошел сциентизм — стремление накладывать естественнонаучные рамки на любое знание. Развитие теоретической лингвистики, как и других наук, оказалось под влиянием философии позитивистов, которые, ориентируясь на идеал естественнонаучного знания, часто обращались к ставшей афоризмом фразе И. Канта «Я утверждаю, что в любом частном учении о природе можно найти науки в собственном смысле лишь столько, сколько имеется в ней математики» [16, с. 38]. Таким образом критерий научности был поставлен в непосредственную зависимость от критерия «математичности», который понимался как ориентация на установление количественных отношений, противопоставленных отношениям качественным, на поиски структурных оппозиций без учета субстанциальных свойств взаимосвязанных элементов.

Именно на структурно-математической «бездуховной» и «бессубстанциальной» основе выкристаллизовалось то понимание прикладного языкознания, которое сохранилось вплоть до недавнего времени и сохраняется в умах многих традиционных

лингвистов и сейчас.

На первых этапах к этой области относили разработки математических формул создания алфавитов, программированного обучения, принципов трансформации текстов при сохранении содержания (вспомним, что концепция Н. Хомского возникла в рамках именно прикладной лингвистики), – принятые в то время математические методы носили, таким образом, вспомогательный характер.

Позднее же, с появлением компьютеров, несмотря на то, что математическая лингвистика выделилась в самостоятельное направление (причем, не имея на то достаточных методологических оснований, она стала мертворожденным дитятей), понятие «прикладной» все чаще стало использоваться как синоним «компьютерный» или – в лучшем случае – «технический». Не случайно, например, во многих западных университетах «прикладной перевод» противопоставляют «художественному», в энциклопедии «Українська мова» в статье, посвященной прикладной лингвистике, приводится литература почти исключительно по структурным, математическим методам в языкознании и компьютерным информационным технологиям, перечисляются только лишь те научные центры, которые занимаются автоматической обработкой текстов [14, с. 488].

Логическим завершением компьютерной (компьютерно-лексиграфической, компьютерно-транслатологической) экспансии стало массовое открытие специальности «прикладная лингвистика» именно в технических вузах.

В Украине до сих пор специальность, по которой проводят защиту диссертаций в данной научной области, носит логически противоречивое название «Структурная, прикладная и математическая лингвистика», хотя название «структурная» определяет конкретнаучную парадигму исследования, «математическая» – использование в исследовании методов другой науки, а «прикладная» – функциональную направленность проводимых изысканий.

Создается впечатление, что современные природа и общество испытывают нужду исключительно в применении компьютеров (напомним, что «прикладной» – это, все-таки, «направленный на освоение природы и общества»), а другие

проблемы для нас абсолютно несущественны и приобретают ступенчатый характер.

Вместе с тем совершенно очевидно, что все прикладные науки тем или иным способом должны реагировать на глобальную смену формы цивилизации – печатно-письменной на визуально-диалогическую – и на соответствующую антропоцентрическую переориентацию научного знания. Возникла острая потребность «приложить», наконец, провозглашенный хайдеггеровский тезис «язык – это дом бытия»: разработать оптимальные речевые технологии коммуникации и воздействия в различных социальных сферах, создать современные системы проведения лингвистических экспертиз и диагностик.

Но сделать это возможно только при наличии соответственной теории «среднего звена» [32], которой, к сожалению, прикладная лингвистика пока не располагает.

Интуитивно исследователи ощущают эпистемологический дискомфорт и потребность в создании единого теоретического основания своей науки. Оригинальную попытку подвести под понятие лингводидактики функционирование языка в обществе впервые сделал Ю. В. Рождественский [29].

Но только в 2001 году в серии «Новый лингвистический учебник» вышла бескомпромиссная книга А. Н. Баранова «Введение в прикладную лингвистику», где данная научная дисциплина четко определена как область, посвященная изучению и разработке способов оптимизации функционирования языка [9, с. 8]. К сфере того, что оказывается во власти лингвистики, впервые отнесены манипуляция общественным и личностным сознанием, авторизация текста – пусть хотя бы и только письменного.

Вместе с тем такой подход не отмечен, на наш взгляд, необходимым единством принципа моделирования: образовавшиеся разрозненные области прикладного лингвистического знания объединяет теперь преимущественно «зонтик» противопоставленности фундаментальному языкознанию. А само оно, в свою очередь, тоже представляет собой сейчас не систему, а набор плохо связанных между собой областей (см.: [33]). Хотя – еще раз подчеркнем – любая наука

должна опираться на пусть и разветвленную, но однотипную в своем построении научно-исследовательскую программу, иметь приоритетную теоретическую парадигму.

Для выхода из создавшегося положения целесообразным представляется вспомнить, что само слово «теория» первоначально означало что-то вроде «осмотр достопримечательностей», «сосредоточенный, страстный, но бескорыстный обзор того, что достигнуто» [27, с. 37]. Следовательно, разработку рациональной составляющей знания необходимо начинать с анализа тех истоков, традиций и новаций, которые и могут дать целостное представление о закономерностях и существенных связях в формирующейся науке, обоснование чего и является основной задачей нашего исследования.

Автор данной статьи убежден, что все современные лингвистические теории и модели выросли на античном субстрате (подробнее см.: [10]). В принципе, парадоксальный, на первый взгляд, лозунг «Вперед, к Платону!» стал уже достаточно популярным. Однако, если об античных истоках теоретической грамматики (которую традиционно отождествляли с лингвистическим знанием вообще) написано довольно много, то преэминентность в аппликативной области затрагивалась только фрагментарно [см., напримср: 25]. Более того, как представляется, те античные идеи, которые обычно никак не связывались с прикладным языкознанием, имеют в действительности самое непосредственное к нему отношение.

В принципе, ни для кого не секрет, что само возникновение науки о языке в начале развития нашей цивилизации было обусловлено именно прикладными причинами. Обыкновенно подчеркивают социально ориентированный характер, прежде всего, древнеиндийского языкознания, целью которого было комментирование религиозных гимнов, разработка оптимальной звуковой формы обращения к Богу, использование устной речи для активизации чакр.

Относительно прикладной направленности изучения языка в Древней Греции чаще всего высказывается мнение, что «античная традиция так и не сложилась, пока по-гречески говорили лишь греки». «Чисто абстрактные рассуждения философов Древней Греции [...] не вели к разработке лингвистических описаний» [3,

Лишь когда в эпоху эллинизма греческий язык стал языком культуры и делопроизводства в ряде государств, возникла потребность в обучении чужому языку и в связи с этим в изучении этого языка.

Такое утверждение основано на суженном толковании языка как системы знаков, – толковании, преобладавшем в обществе – не только научном – практически до конца XX века. Образ языка, созданный в конце XIX века, оказался биноклем с обратной оптикой: все, что было создано две тысячи лет назад, рассматривалось через узкий прицел отторженного от человека инструмента познания.

Общеметодологическое возвращение к гносеологическому антропоцентризму построения научной картины мира закономерно обусловило *переосознание* значимости того, что высказывали древние о нашей *возможности говорить*, о том, что может сделать с человеком и обществом СЛОВО как **матрица существования**.

Именно говорение, звучащая речь воспринимались древними греками как объективируемая часть *Логоса* – всеохватного концепта, который имеет сейчас более 40 толкований в европейских языках. Среди них – разум, порядок, счет, система, речь разумного человека, формула, доказательство, объяснение и пр.

Логос как всемирный порядок, преодолевший хаос, стал основой мироздания. Проникая в человека, в животных, растения, в неодушевленные предметы, он приводил к единству все многообразие мира, наделял смыслом все сущее, объективируясь (изрекаясь) в разумной речи.

Говорение – *использование имен для распределения сущностей* – выступало, таким образом, как средство объективации мирового порядка, средство объективации души человека, с одной стороны, и как сила, руководящая обществом, познанием, поведением, всеми нашими чувствами, – с другой (см.: [11]).

Вербализация актуального момента существования – выражение в членораздельных звуках состояния сознания – оказывалась той системообразующей точкой, вокруг которой

объединялись самые разнообразные философские школы и направления.

Выявление структуры знака у *стоиков* (предвосхитившее семиотику на два тысячелетия) предполагало актуальное единство звуковой формы, представителя класса предметов, значения с реально подразумеваемым, «схватываемым» в данный момент говорения.

Диалектика – «царское искусство» – развивала такое мастерство коммуникации, которое позволяло бы человеку избавиться от сомнений и самому разобраться в своей душе и окружающем мире с помощью *высказанного*.

Словесная игра *софистов* впервые продемонстрировала способность речи создавать свой собственный *виртуальный мир*, воздействовать на сознание и трансформировать его в соответствии с заданными целями, моделировать образ действительности, не оставляя человеку обратного пути к рефлексии.

Мастерство *риторики* опиралось на устойчивые представления людей о добре и зле, красивом и безобразном, возвышенном и низменном, на универсальные свойства человека воспринимать параметры времени и пространства через восприятие звукового потока, давало возможность «упаковывать» действительность в наиболее приятные и приемлемые для реципиента формы, убеждать слушающего, звать его за собой.

Поэтикой были разработаны ухищрения интеллекта (подобные метафоре) неожиданно выходить в непознанную область с привычными схемами именования и расчленения действительности, достигая при этом эстетического переживания и восторга победы имени над строптивой реальностью.

Аристотелевская *аналитика* (логика) – наиболее авторитетное на протяжении многих веков из вышеназванных направлений – тоже создавалась как методология *адекватного языкового упорядочения мира*, как *органон* всех наук и только столетия спустя была определена как наука о «правильном мышлении».

Действительно, для древнего грека не существовало мышление отдельно от языка; мир без языка (логоса) оборачивался темным какофоническим хаосом. Все античные мыслители говорили только об одном виде человеческого бытия – **бытии** в

доме языка. Именно эту жизнь, опираясь на знание фундаментальных признаков Вселенной и Разума, знаний особенностей человеческого восприятия, понимания и поведения, они и стремились оптимизировать.

По-видимому, здесь мы сталкиваемся уже не столько с гносеологическим антропоцентризмом, о котором писалось ранее [10], сколько с гносеологическим синтетическим *логоцентризмом*, – моделированием мира как воплощением Логоса, как возможности говорить обо всем мыслимом (ср. утверждение нашего современника – выдающегося философа М. Мамардашвили: «Нет такой вещи сознание, есть только возможность говорить о чем-либо» [22, с. 170]).

Современная наука (чего нельзя сказать, между прочим, о Высших аттестационных комиссиях) постепенно уже подходит (=возвращается) к выводу, что знание нельзя разделить однозначно: творческая деятельность ученого протекает не в «рамках той или иной дисциплины или науки», а в иной системе членения знания – в рамках «проблемной ситуации» [31, с. 6].

Для прикладной лингвистики, очевидно, такой проблемной ситуацией должна стать проблема *Homo loquens* – говорящего субъекта. Эта проблема ментального пространства Древней Греции уже достаточно структурирована древними, чтобы мы могли – воспользовавшись их парадигмальными идеями и нашими новейшими достижениями техники – попытаться ее решить.

Более того – в античности мы находим и путь решения этой проблемы. И этот путь, как ни парадоксально, на первый взгляд, видится в онтологическом соединении двух ипостасей современной прикладной лингвистики, которые сейчас воспринимаются отнюдь не как ипостаси, а, скорее, как «случайные родственники», – *дискурсологии* (в широком смысле слова) и *лингвистической информатики*. Сейчас дискурсология как наука о лингвокультурных динамических формах бытия человека и компьютерная лингвистика, занимающаяся разработкой методов обслуживания вычислительных машин при помощи языка и языкознания при помощи вычислительных машин пересекаются крайне редко – лишь тогда, когда лингвисты пытаются применить количественные методы для обработки дискурса. Например, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» 1990 года она по

сути отождествляется с «вычислительной лингвистикой» (отчасти «инженерной лингвистикой»), цель которой – «создание сложных систем обслуживания ЭВМ посредством языка» [21, с. 619], в словаре под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского акценты смещены: это «направление в прикладной лингвистике, занимающееся разработкой автоматизированных методов обработки и хранения лингвистических данных» [5, с. 70].

В античности же *Логос-речь*, – многомерное языковое осуществление (=условие существования) человека – был неотделим от *Логоса-числа*, – количественного взаимосоответствия выделенных частей целого.

Представлялось, что победить хаос в своей душе, достичь гармонии со Вселенной, сохранить свою сущность до конца дней своих, несмотря на неумолимость времени и воздействие среды, познать мир и людей вокруг себя и быть в состоянии изменить что-то в окружающей действительности человек может только через постижение *Чисел*.

Возникновение онтологической концепции числа относят к раннему периоду пифагореизма. И связана эта концепция опять-таки со звуковым образом Вселенной. Весь мир – это звучание. Но оно может определять порядок или быть проявлением хаоса. Поэтому Логос и есть установление *оптимального соотношения* звучания всего сущего.

Как считается, сам Пифагор открыл простейшие числовые отношения, которые позже стали называть музыкальными интервалами. Установление равновесия, соединение высокого и низкого легло в основу понимания гармонии. Таким образом, звучащая настроенная струна стала научной метафорой, центральным образом греческой философии, который привел к мысли о том, что все вещи – числа. Чтобы понять мир вокруг нас, мы должны найти составляющие его числа. Усвоив числовые конструкции окружающего мира, человек получает власть над ним [28, с. 48]. Вещь, человек могут изменяться внешне и внутренне, но они остаются тождественными сами себе, если сохраняются верные пропорции.

Число и звучание – были основными понятиями в Академии Платона, где основу учебной программы составляли арифметика, геометрия, астрономия и гармония (звук). Ни одна

дисциплина при этом не изучалась сама по себе, все они подчинялись канонам диалектики.

Неравнозначно решался вопрос об онтологичности чисел. У многих древних философов предполагалось бесконечное множество сущностных чисел, Эмпедокл выделял только четыре, связанных борьбой противоречий («с Распрей и Любовью в них»), Ион – три, а Алкмеон – всего два.

В отличие от пифагорейцев, которые видели бинарность только в противоположностях, Алкмеон утверждал, что большинство вещей в мире человека двоичны: белое – черное, сладкое – горькое, большое – малое, добро – зло [32, с. 267–272].

Концепция могущественности числа, на долгие столетия забытая и вновь признанная в эпоху Возрождения, стала – вместе с алкмеоновской концепцией бинарности мира – доминирующей в современной науке, хотя и претерпела трансформацию редукционизма под влиянием упрощенного толкования математики и понятия числа, отделенного от понятия звучания. Математические параметры стали восприниматься не как онтологическая сущность речи и сознания, а как чисто формальная методика обработки независимого от Числа проявления бытия человека. Именно математики стали признаваться «настоящими наследниками учений Пифагора».

Конечно же, причиной тому вырванные из текста цитаты, которые, став прецедентными высказываниями, начинают жить своей жизнью, творят чудеса или создавая монстров.

Монстром стала и вышеприведенная кантовская фраза о всеохватности математики. Однако математика при этом толковалась гуманитариями – как «внешний» инструмент, способный «облагородить» исходное языковедческое исследование. Вместе с тем, Кантовская трактовка математики чрезвычайно близка к поздней пифагорейской традиции, распространившей «вычисления» (дословно – «раскладывание камушков») на человека, его душу. В принципе, известно, что для Канта математика была, прежде всего, наукой, строящейся на априорных врожденных интуициях человека, связанных с ощущением пространства и времени. Присутствие в науке математики, следовательно, означало включенность в научную теорию структуры человеческого сознания, конструирующего

реальность из внешнего ощущения протяженности и внутреннего ощущения длительности. Математическое знание в этой теории – единство чувственного и рассудочного, являющееся формой трансцендентальной эстетики [1, с. 9–10]. Это прямое продолжение идей пифагорейцев о возможности достичь совершенства, гармонии с помощью чисел.

И задачи прикладной лингвистики по оптимизации функционирования языка объединены, в сущности единой целью – обеспечить гармонию человека в мире, гармонию социального существования. Таким образом, синтез познания языка как формы бытия человека и законов Вселенной, законов общества предполагает изучение Числа в античном его понимании.

Считается, что уже у самого Пифагора высшая этическая цель – очищение души – достигалась через познание музыкально-числовой структуры космоса, символически выражаемой в тетрактиде ($1+2+3+4=10$), содержащей основные музыкальные интервалы: октаву (2:1), квинту (3:2), кварту (4:3) [32, с. 495].

Эта идея вполне закономерно возродилась во второй половине XX столетия. Но проявилась она не в лингвистике, а в теории специалиста по кибернетике Владимира Лефевра, нашего бывшего соотечественника, основателя современной фундаментальной психологии. Созданная им «модель души» направлена на объяснение человека не как случайного элемента, а как закономерности универсума и имеет чисто прикладной характер. Это, по его собственному выражению, «структурка, нарисованная мелом на доске» [19, с. 52]. Именно им были объединены в моделирующую систему три крайне интересных феномена человеческого сознания: феномен «золотого сечения» (почему человеку кажется что-то «красивым», «гармоничным»: треугольник, дверь, фраза, текст), феномен ограниченности европейских музыкальных натуральных интервалов и феномен констант биполярного выбора (62% позитивных ответов). Все эти три феномена пифагорейского плана: они выявляют фундаментальные математические константы, которые характеризуют человека как элемент универсума.

Использование их в прикладной лингвистике может дать уникальный эффект. Сохранение математически заданного ритма (фонетического, лексического, семантического, синтаксического)

текста может служить основой сохранения его идентичности при переводах. Определенные пропорции дискурса, задающие соотношение значимых-незначимых единиц, существительных и глаголов, настоящего и прошедшего времени и т. д. – и регулирующие тем самым ритм переключения полушарий головного мозга, могут придавать высказыванию суггестивную силу, с одной стороны, и быть основой при проведении лингвистических экспертиз, – с другой. Расположенные в вычисленных пространственно-временных координатах слова автоматически войдут в подсознание читателя и слушателя – и когда он изучает иностранный язык, и когда он слушает новости, и когда читает рекламный текст. При автоматическом реферировании или сжатии спонтанно созданного текста можно будет опираться на «лингвоментальные пропорции» его создателя.

Онтологичность числа и пропорций охватывает не только языковое существование индивидуума и его взаимодействие с действительностью, но и диалогическое взаимодействие собеседников. Только недавно было замечено, что модели разворачивания платоновских майевтических диалогов построены по четким алгоритмам, которые могут быть восприняты ЭВМ (см.: [12; 23]). Даже формулы обращения к Богу определены некоей числовой системностью [34].

Алгоритмичность речевой деятельности, представленной как аристотелевско-гумбольдтианская *энергейя* – специфическая созидательная активность, которая принципиально не может иметь завершения, дает основание для разработки оптимальных стратегий и тактик вербального поведения человека в зависимости от заданных социально-личностных условий.

Таким образом, не вдаваясь в подробности (они были и будут предметом отдельных статей), можно сделать следующий вывод – *осознание и выявление числовых пропорций*, онтологически «встроенных» в языковой дом бытия человека, в личностные лингвоментальные (фонолингвоментальные) характеристики и есть тот путь, который сможет привести к созданию совершенно новой парадигмы прикладной лингвистики, – новой и при этом возрождающей гениальные идеи античности.

Принципы гносеологического логоцентризма и синтетизма познания, парадигмальная числовая концепция языкового бытия

человека помогут нам обрести гармонию с самими собой и с окружающим миром, создав систему подготовки специалистов, которые при помощи речевых технологий смогут изменить к лучшему отношения во всей социально-политико-культурно-межличностной системе.

1. Абрамян Л. А. Кантова философия математики. Старые и новые споры. – Ерван, 1978.
2. Аверина С. А., Азарова И. В., Алексеева Е. Л. и др. Прикладное языкознание. – СПб, 1996.
3. Алиагов В.М. История лингвистических учений. – М., 1999.
4. Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В. Очерки по истории лингвистики. – М., 1975.
5. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. – М., 2001.
6. Античные риторика. – М., 1978.
7. Античные теории языка и стиля (антология текстов). – СПб., 1996.
8. Аристотель. Соч. в 4-х тт. – Т. 2. – М., 1978.
9. Баранов А. П. Введение в прикладную лингвистику. – М., 2001.
10. Бардина Н. В. Языковая гармонизация сознания. – Одесса, 1997.
11. Бардина Н.В. Античний ΛΟΓΟΣ глазами современного лингвиста // Труды семинара по герменевтике (Герменевус). – Вып. 1. – Одесса, 1999. – С. 115–137.
12. Бардіна Н., Самохіна Т. Макросинтаксичні особливості побудови майжевичних провокуючих дискурсів // Проблеми питання синтаксису. – Чернівці, 1997. – С. 212–219.
13. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 1974.
14. Грязнухина Г. О. Прикладна лінгвістика // Українська мова: Енциклопедія. – К., 2000. – С. 488.
15. Иванов Вяч. Вс. Языкознание // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 618–622.
16. Кант И. Критика чистого разума // Соч.: в 6-ти тт. – Т. 3. – М., 1964.
17. Кондрапов П. А. История лингвистических учений. – М., 1979.
18. Лебедев А. В. Пифагор. Пифагоризм // Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 494–496.
19. Лефевр В. А «Непостижимая» эффективность математики в исследованиях человеческой рефлексии // Вопросы философии. – 1990. – № 7. – С. 51–58.
20. Лефевр В. А. Формула человека. – М., 1991.
21. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
22. Мамардашвили М. К. Проблемы анализа сознания (Лекции, прочитанные на факультете психологии МГУ). – Свердловск. 1990.
23. Пахов И. М. ЭВМ и художественное творчество, или Анти-Тьюринг // Античность в контексте современности. – М., 1990. – С. 34–53.

24. Платон. Собр. соч. в 4-х тт. – Т. 1. – М., 1990.
25. Пещак М. М. Нариси з комп'ютерної лінгвістики. – Ужгород, 1999.
26. Пойа Д. Как решать задачу. – Львов, 1991.
27. Полани М. Личностное знание. – М., 1975.
28. Рассел Б. Мудрость Запада. – М., 1998.
29. Рождественский Ю. В. Лекции по общему языкознанию. – М., 1990.
30. Словарь русского языка: В 4-х тт. – Т. III. – М., 1984.
31. Степанов Ю. С. Париж – Москва, весной и утром... // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М., 1999. – С. 3–11.
32. Фрагменты ранних греческих философов. – Часть 1. – М., 1989.
33. Фрумкина Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995. – С. 74–117.
34. Щербина-Яковлева Е. Е. «Бог», «божественное» и «сверхъестественное» как объекты человеческого восприятия // Філософські науки. Зб. наукових праць. – Суми, 2002. – С. 78–90.
35. Bobrowski I. Zaproszenie do językoznawstwa. – Kraków, 1998.